
ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

**ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ «БЛАГОПОЛУЧНЫХ»
И «ПРОБЛЕМНЫХ» ПОДРОСТКОВ И СТАРШЕКЛАССНИКОВ****Т.Н. Яблонская**

В статье рассматривается феномен идентичности личности, его структура как единство когнитивного, эмоционального, коннотативного и ценностного компонентов. Эмпирическое исследование проводилось с помощью методик «Кто я» и опросника на основе полуструктурированного интервью Дж. Марсиа. Проанализированы содержание, уровни развития идентичности «благополучных» и «проблемных» подростков и старшеклассников; отличия особенностей идентичности опрошенных. Выявлено, что более высокий уровень развития идентичности характеризует «благополучных», что проявляется в более дифференцированном и полном образе Я, его позитивной модальности и согласованности, четкой профессиональной перспективе будущего, более высоких статусах идентичности практически во всех сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: идентичность; самоидентификация; социальная идентичность; личностная идентичность.

Актуальность. Изучение феномена идентичности личности является достаточно популярным направлением исследований в зарубежной и отечественной психологии. В то же время существующие теоретические и прикладные исследования проблемы идентичности и ее отдельных структурных компонентов (М.И. Боришевский, В.Л. Зливков, К.В. Коростелина, Дж. Марсиа, Е.Л. Солдатова, Л.Б. Шнейдер и др.) не исчерпывают всех аспектов проблемы [2, 4, 5, 9, 17]. В частности, остаются дискуссионными вопросы структуры и содержания идентичности, ее развития в онтогенезе личности в зависимости от тех или иных условий развития. С учетом современных трансформационных процессов, коснувшихся практически всех аспектов развития общества, особенно актуальной становится проблема изучения особенностей идентичности детей в зависимости от тех психологических условий ее развития, которые складываются в семьях.

Целью статьи является изучение и сравнение особенностей идентичности «благополучных» и «проблемных» подростков и старшеклассников в контексте выявления психологических условий развития идентичности ребенка в семье.

Анализ психологических исследований свидетельствует о том, что идентичность личности — сложный, многомерный феномен, который рассматривается в психологических исследованиях разных направлений: личностно ориентированного (Т. Бьюдженталь, А. Маслоу, Р. Мей, К. Роджерс, В. Франкл и др.); в рамках социально-психологической проблематики (Г.М. Андреева, Э. Эриксон, В.И. Павленко, Д. Тернер, Г. Теджфел и др.); в контексте теорий возрастных кризисов развития как специфический феномен юности (М.И. Боришевский, А. Ватерман, И.В. Дубровина, Э. Эриксон, И.С. Кон, Дж. Марсиа и др.); как глубинный феномен (Д. Винникотт, Х. Кохут, Р. Лейнг, К. Хорни и др.).

Становление идентичности происходит через обобщение, кристаллизацию детских идентификаций, ролевого опыта и опыта социальных влияний, оценок и ожиданий окружающих (Э. Эриксон, Дж. Марсиа и др.) [13, 17]. В подростковом возрасте актуализируется достижение идентичности через принятие ряда осознанных решений относительно своей ценностной позиции в социуме, поиск социальных основ личной определенности и

устойчивости, выбор ролевой и групповой принадлежности.

Рассматривая соотношение феноменов идентичности и идентификации, исследователи отмечают, что идентификация выступает основным механизмом идентичности (М.И. Боришевский, Э. Эриксон и др.) [2, 13] и по сути является процессом классификации, категоризации объектов, людей, событий либо отождествления субъекта с ними (Р. Дженкинс) [16].

В то же время содержание идентичности личности рассматривается как синтез идентификаций, которые возникают в процессе социализации индивида [1, 3, 4, 10]. Согласно концепции С. Московичи, сознание человека организовано по типу идентификационной матрицы, основа которой состоит из множества принадлежностей личности (идентичностей), среди которых можно выделить общечеловеческую, гендерную, религиозную, этическую, профессиональную и др. [18].

В структуре идентичности исследователи выделяют личностную и социальную составляющие (Дж. Мид, Ю. Хабермас и др.), которые отражают соотношение социальной детерминации идентичности и самодетерминации личности. Так, согласно Ю. Хабермасу, Я-идентичность состоит из совокупности двух измерений — личностной и социальной идентичностей и реализуется в процессе балансирования между ними [15].

Х. Теджфел подчеркивает социальную природу идентичности, которую он рассматривает как совокупность всех социальных идентификаций, используемых индивидом при самоопределении [19]. Автор считает, что регуляция поведения индивида осуществляется с помощью актуализации одной из двух подструктур Я-концепции — личностной (самоопределения в терминах уникально-индивидуальных характеристик физических, интеллектуальных, моральных черт) или социальной идентичности (самоопределения через членство в определенных социальных общностях). В каждый данный момент актуализируется одна из двух подсистем, которая определяет выбор человеком формы поведения — как индивида или как члена группы.

Весомый вклад в развитие психологических представлений о феномене идентичности личности внесли также российские и отечественные ученые (М.И. Боришевский, В.Л. Зливков, Е.Л. Солдатова, Л.Б. Шнейдер и др.). Так, Е.Л. Солдатова изучает эго-идентичность как сложную динамичную структуру, которая развивается в течение всей жизни че-

ловека, актуализируясь в периоды нормативных кризисов развития [9]. В.Л. Зливков провел основательное исследование идентичности в ракурсе профессиональной деятельности педагога [4]. В исследованиях М.И. Боришевского, П.И. Гнатенко, Л.Б. Шнейдер и других ученых изучаются разные аспекты личностной и социальной идентичности, в частности, особенностей индивидуальной самооценки, становление Я-концепции, переживание групповой принадлежности, процесс и результаты социального сравнения [2, 3, 5, 10, 12].

Основываясь на взглядах Э. Эриксона, Е.Л. Солдатовой, Л.Б. Шнейдер и других исследователей, мы определяем *идентичность* личности как сложную динамичную систему представлений личности о самой себе и связанных с ними переживаний, которая складывается в результате синтеза определений индивида значимыми другими и его самоопределений и апробируется в акте выбора. Идентичность может рассматриваться как психологическое ядро личности, поскольку включает в себя ведущие, определяющие для личности составляющие — аспекты ее самосознания, ценностно-смысловую и регулятивную сферы.

В структуре идентичности мы выделяем когнитивную, эмоциональную и коннотивную сферы. В частности, к *когнитивной сфере* идентичности мы отнесли отдельные самоидентификации, самохарактеристики ребенка, а на более поздних возрастных этапах — его образ Я и Я-концепцию. К *эмоциональной сфере* идентичности отнесены переживания самотождественности, аутентичности, эмоционального единства, идентификации с определенными объектами, группами. Эти переживания составляют основу раннего жизненного опыта ребенка, а с возрастом усложняются и трансформируются в более широкую систему отношений к окружающему миру и самому себе, самооенок личности. К *коннотивной сфере* были отнесены образцы поведения и роли, которые соответствуют идентификационной модели на ранних стадиях развития, процесс самоопределения как акт совершения выбора — на более поздних этапах онтогенеза.

Отдельное место в структуре идентичности занимает, по нашему мнению, *ценностная сфера*, которую мы рассматриваем как «сквозную» характеристику, связанную с представлениями и отношением индивида к самому себе и окружающей действительности и проявляющуюся наибо-

лее полно в поведении, поступках субъекта. Считаем это правомерным на основе того, что ценности рассматриваются как основа личности (М.И. Боришевский, Д.А. Леонтьев и др. [2; 7]), неотъемлемый компонент идентичности (А. Ваттерман, К.В. Коростелина, Дж. Марсиа и др.), а некоторые исследователи выделяют подструктуру ценностной идентичности (К. Камиллери [14]). Ценности непосредственно связаны с представлениями личности о смысле жизни. Выступая важным элементом структуры идентичности, они играют ведущую роль в формировании личности, поскольку на их основе создается эталон, образ будущего (Л.Б. Шнейдер [12]).

Поскольку целью нашего исследования было выявление закономерностей развития идентичности ребенка в системе семейных отношений, одной из его задач стало сравнение психологических условий, складывающихся в семьях разных групп детей. Так, мы выбрали для сравнения три группы детей в возрасте 15–17 лет:

1) дети, которые обучаются в общеобразовательной школе и при этом не имеют значительных личностных и поведенческих проблем. Эта группа стала контрольной относительно двух других (62 опрошенных, из которых 31 девочка, 31 мальчик);

2) дети, которые обучаются в специализированной школе творческой направленности (44 опрошенных, из которых 30 девочек, 14 мальчиков);

3) дети с проблемами поведения, которые находились на учете службы по делам детей в связи с совершенным правонарушением (37 опрошенных, мальчики).

Наша рабочая гипотеза состояла в том, что идентичность как системное образование, ядро личности, будет отличаться по содержанию, структуре, уровню развития в выбранных группах детей, причем в значительной степени именно из-за специфики семейных отношений как важного фактора ее развития.

Так, мы предположили, что у художественно одаренных детей развитие идентичности происходит более интенсивно и сбалансированно, причем системообразующим фактором этого развития выступает, с одной стороны, ярко выраженная индивидуальность и ее осознание ребенком, а с другой стороны, благоприятные условия ее развития со стороны семьи.

Напротив, семьи подростков, характеризующихся поведенческими девиациями, отличаются, по нашему предположению, значительными системными нарушениями — как структурно-ролевыми, так и содержательными, что не способствует развитию идентичности детей. Идентичность таких детей будет отличаться низким уровнем развития (диффузный статус) или негативной формой, внутренней противоречивостью, ценностной деформацией.

Такие экспериментальные группы были выбраны по следующим соображениям. Выбор для исследования детей с поведенческими девиациями был обусловлен тем, что в системной концепции, которая выступила методологической основой исследования, любые психологические симптомы, поведенческие расстройства ребенка рассматриваются как признак нарушенных семейных взаимоотношений (А.Я. Варга, Дж. Хейли, А.В. Черников и др.), семейных дисфункций [11]. С другой стороны, поведение с отклонениями непосредственно связано с процессом развития идентичности личности, поскольку является проявлением несформированности прежде всего ценностного и коннотативного аспектов идентичности либо ее деформации, в частности в форме негативной идентичности. Наше исследование «неблагополучных» подростков и юношей проводилось на базе службы по делам детей, в рамках программы профилактической работы с несовершеннолетними, которые совершили правонарушение, осуждены с отсрочкой приговора и находились на учете службы. Задействовав в исследовании эту группу подростков/юношей и их семей, мы исходили из того, что сам факт совершения правонарушения свидетельствует о деформации ценностно-смысловой сферы, которую мы рассматриваем как системообразующую в системе идентичности личности.

Противоположный полюс идентичности представлен зрелой, достигнутой идентичностью, ядро которой составляют осознанное, позитивное Я, сформированные на основе индивидуального опыта ценности личности. Семьи, которые способствуют формированию такого представления о себе, опыта и ценностей у ребенка, есть среди разных категорий детей. Но все же мы предположили, что больше их окажется среди семей одаренных детей, которые всячески поддерживают развитие способностей ребенка, чем и объясняется выбор другой экспериментальной группы.

Эмпирическое исследование особенностей идентичности разных групп подростков и старшеклассников проводилось с помощью теста М. Куна-Т. Макпартленда [6], анкеты и/или методики незаконченных предложений на основе полуструктурированного интервью Дж. Марсиа в модификации В.Р. Орестовой, А.А. Карабановой [8].

Проведя психологическое обследование, мы определили содержание и структуру идентичности, выраженность ее статусов в разных группах подростков и юношей, которые сравнивались между собой. Результаты исследования структуры и содержания идентичности опрошенных разных групп представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, наиболее существенные отличия между группами исследуемых зафиксированы относительно таких категорий самоописаний, как «профессиональная идентичность», «личностные черты», интегральный показатель полноты самоописания, а у мальчиков также категория «интересы, намерения». Правда, выявленные отличия в основном не достигают уровня значимости по φ^* -критерию Фишера, а фиксируются как тенденция, более выраженная у мальчиков, которая проявляется в более высоком уровне профессиональной идентичности художественно-одаренных мальчиков по сравнению с другими группами, а также в определенности их интересов, намерений. Интегральные показатели полноты самоописаний значимо отличаются: этот показатель существенно ниже в группе подростков-правонарушителей по сравнению с контрольной группой ($\varphi^* = 2,53$ при $p \leq 0,005$) и по сравнению с группой художественно-одаренных подростков и старшеклассников ($\varphi^* = 2,75$ при $p \leq 0,002$).

Проанализируем эти и другие выявленные отличия в содержании и структуре исследуемых групп подростков и старшеклассников. В частности, число самохарактеристик, которые, очевидно, могут рассматриваться как более поверхност-

ные по сравнению с другими — формально-биографические данные, описание внешности и физиологических особенностей (*люблю поспать, люблю поест* и т.д.), преобладает в группе подростков и юношей, которые находятся на учете службы по делам детей. В других группах исследуемых они выражены значительно меньше, особенно в группе художественно-одаренных детей.

Среди объективных характеристик в этой группе опрошенных в наибольшей степени по сравнению с другими представлены идентификация с человечеством, личностная и половая идентификация, социальные и семейные роли. Но наиболее существенными являются отличия в сфере профессиональной идентификации: в самоописаниях 68 % художественно-одаренных подростков и старшеклассников выразительно звучит профессиональный аспект, причем в форме не потенциального, будущего Я, а Я-настоящего: «Я — художник... творец... актриса». В контрольной группе количество детей, в самоописаниях которых присутствует профессиональный аспект, составляет лишь 8 % опрошенных, а в группе подростков, совершивших правонарушение, едва достигает 4 %. Такие отличия свидетельствуют о развитой профессиональной идентичности художественно-одаренных детей, по сравнению с которыми другие группы подростков и старшеклассников выглядят достаточно незрелыми, инфантильными в плане профессионального самоопределения.

Такой низкий показатель самохарактеристик, репрезентирующих будущее Я в группе опрошенных-правонарушителей, объясняется еще и дискретностью Я во времени этих исследуемых. Это выражается в том, что большинство таких детей отрицают свое прошлое в связи с противоправным поступком и не способны или не решаются строить жизненные перспективы, склонны жить сегодняшним днем.

Таблица 1. Структура и содержание идентичности опрошенных разных групп (по результатам контент-анализа теста Куна-Макпартленда, n = 143, %)

Категории самоописания	Экспериментальные группы			Контрольная группа	
	Мальчики- правонарушители, n = 37	Художественно- одаренные дети		Девочки, n = 31	Мальчики, n = 31
		девочки, n = 30	мальчики, n = 14		
<i>Формально-биографические данные</i>					
Анкетные данные	4,2	1,6	3,2	2,1	2,2
Описание внешности	5,0	1,7	0,5	2,1	2,1
Физиологические особенности	2,7	0,3	0,9	0,1	0,4
<i>Объективные характеристики</i>					
Идентификация с человечеством	3,9	2,9	4,5	3,7	3,6
Личностная идентификация	0,5	1,9	2,3	2,6	0,9
Половая идентификация	2,5	2,1	4,5	2,6	1,5
Семейные роли	1,8	4,8	5,9	7,1	1,9
Социальные роли	5,5	4,5	6,4	8,6	5,3
Потенциальное (будущее) Я	0,3	0,5	0,9	1,6	0,9
в том числе профессиональная идентификация	0,1	3,8	6,4	0,6	0,3
Идентификация с ровесниками (возраст)	0,4	0,9	0,9	0,1	0,3
Национальная идентификация	–	0,5	0,5	0,2	0,5
Гражданская идентификация	–	0,2	0,5	–	0,8
Географическая принадлежность	–	0,5	1,8	0,1	–
<i>Субъективные характеристики</i>					
Личностные черты	23,1	32,2	23,6	44,7	31,3
в том числе негативные	1,5	0,9	1,8	2,6	1,3
Интересы, намерения	7,2	5,7	19,1	8,4	8,4
Ценности	0,3	3,6	1,8	1,7	0,6
Религиозные взгляды	–	0,2	–	0,1	0,6
<i>Общие показатели</i>					
Полнота	41,4	69,0	79,1	82,8	73,8
Полнота и дифференцированность, уровни	1,2	2,3	2,6	2,2	2,0
Согласованность, уровни	1,1	2,4	2,7	2,3	1,9
Модальность, уровни	1,8	2,8	2,9	2,4	1,9

Субъективные характеристики по суммарному показателю преобладают в контрольной группе. Среди этих самохарактеристик выразительно представлена в самоописаниях категория «личностные черты», по которой низшие значения отмечаются в группе «проблемных» детей, а высшие — в контрольной группе. Художественно-одаренные подростки и старшеклассники несколько реже по сравнению с обычными школьниками склонны описывать себя в категориях личностных черт, но модальность их характеристик более позитивная, чем в других группах исследуемых. Эти дети также достаточно активны в разных видах деятельности, о чем свидетельствует значительный удельный вес в их самоописаниях категории «интересы, намерения», особенно у

мальчиков. Также более выразительно в группе этих детей представлен ценностный аспект, их общественная миссия (*мыслитель; творец; тот, кто изменяет реальность; носитель искусства* и др.).

Выделенные нами общие показатели — полнота и дифференцированность Я, согласованность, модальность Я — в группе художественно-одаренных детей имеют наиболее высокие значения, а в группе несовершеннолетних правонарушителей — наиболее низкие. Это значит, что последние — в основном лица, не склонные к самоанализу, имеют несогласованные, амбивалентные представления о себе, тогда как самосознание художественно-одаренных детей отличается когни-

тивной сложностью, их представления о себе более согласованны и позитивны.

Что касается развития идентичности исследуемых разных групп, показателем которого вы-

ступает ее статус в разных сферах жизнедеятельности личности, то зафиксированы такие данные (табл. 2).

Таблица 2. Представленность статусов идентичности опрошенных разных групп (n = 143, %)

Статусы идентичности в разных сферах жизнедеятельности		Экспериментальные группы			Контрольная группа	
		Мальчики-правонарушители, n = 37	Художественно-одаренные дети		Девочки, n = 31	Мальчики, n = 31
			девочки, n = 30	мальчики, n = 14		
Профессиональная	диффузная	70,2	10,0	7,1	16,3	26,0
	предрешенная	16,3	3,3	–	18,2	32,9
	мораторий	8,1	26,7	57,1	30,0	26,0
	достигнутая	5,4	60,0	35,8	35,0	15,1
Религиозная	диффузная	70,2	46,7	57,4	36,2	58,9
	предрешенная	24,4	16,7	14,2	38,8	31,6
	мораторий	5,4	30,0	21,3	18,8	6,8
	достигнутая	–	6,6	7,1	6,2	2,7
Политическая	диффузная	91,9	83,4	85,8	88,8	82,2
	предрешенная	8,1	13,3	14,2	5,0	5,5
	мораторий	–	3,3	–	6,2	9,6
	достигнутая	–	–	–	–	2,7
Любовь	диффузная	67,6	10,0	14,2	17,4	43,8
	предрешенная	10,8	3,3	–	15,0	8,2
	мораторий	21,6	40,0	64,5	48,8	42,5
	достигнутая	–	46,7	21,3	18,8	5,5
Дружба	диффузная	40,5	6,6	–	3,8	19,2
	предрешенная	8,1	–	–	1,2	1,3
	мораторий	51,4	50,0	42,9	52,5	64,4
	достигнутая	–	43,4	57,1	42,5	15,1
Семья	диффузная	54,1	10,0	28,5	26,2	37,0
	предрешенная	40,5	40,0	35,5	33,8	53,4
	мораторий	5,4	26,7	21,3	28,0	9,6
	достигнутая	–	23,3	14,2	12,0	–
Гендерная	диффузная	43,3	33,4	28,6	31,3	45,3
	предрешенная	56,7	23,3	43,0	46,2	53,4
	мораторий	–	20,0	14,2	10,0	1,4
	достигнутая	–	23,3	14,2	12,5	–

Проанализируем более детально особенности идентичности подростков и старшекласников из разных групп, поскольку ее показатели существенно отличаются в разных сферах жизнедеятельности опрошенных.

Как видно из табл. 2, подростки и юноши с проблемами поведения отличаются наиболее низкими уровнями профессиональной идентичности: они либо вообще не задумываются над проблемой профессионального самоопределения, либо соглашаются на варианты, которые предлагают им значимые близкие. Отличия показателей развития идентичности исследуемых этой группы по сравнению с контрольной достигают высокого уровня значимости: относительно статуса диффузной идентичности — $\varphi^* = 3,77$ при $p \leq 0,000$; предрешенной идентичности — $\varphi^* = 1,61$ при $p \leq 0,054$; моратория — $\varphi^* = 2,03$ при $p \leq 0,021$. Существенной характеристикой одаренных детей в этой сфере является то, что большинство из них имеют достигнутый статус идентичности или рассматривают несколько конкретных альтернатив выбора профессии (мораторий), при этом родители имеют «совещательный» голос. Показатели статусов идентичности этой группы подростков и юношей значительно отличаются от показателей контрольной группы (диффузная идентичность — $\varphi^* = 1,65$ при $p \leq 0,049$; предрешенная — $\varphi^* = 3,74$ при $p \leq 0,000$; мораторий — $\varphi^* = 2,00$ при $p \leq 0,023$; достигнутая идентичность — на уровне тенденции — $\varphi^* = 1,51$ при $p \leq 0,066$), а по сравнению с группой подростков-правонарушителей эти отличия еще более существенны. Показатели художественно-одаренных девочек также значительно отличаются от показателей представительниц контрольной группы относительно выраженности предрешенной ($\varphi^* = 2,01$ при $p \leq 0,022$) и достигнутой идентичности ($\varphi^* = 1,97$ при $p \leq 0,024$).

Религиозные и философские взгляды большинства подростков и старшекласников не сформованы или заимствованы у родителей и прародителей. Высокие статусы идентичности в этой сфере выражены в наибольшей степени у художественно-одаренных детей и девочек из контрольной группы; в наименьшей — у мальчиков, состоящих на учете службы по делам детей. Так, количество художественно-одаренных мальчиков, имеющих статус предрешенной идентичности, значительно меньше, чем в контрольной группе ($\varphi^* = 1,31$ при $p \leq 0,095$), что свидетельствует

об их самостоятельности, активности в формировании собственного мировоззрения, а их показатели достигнутого статуса идентичности значительно отличаются от показателей подростков-правонарушителей ($\varphi^* = 1,66$ при $p \leq 0,048$). Среди опрошенных девочек в этой сфере идентичности более высокие статусы зафиксированы также в группе художественно-одаренных детей ($\varphi^* = 1,96$ при $p \leq 0,025$ для статуса «мораторий»).

Большинство подростков и юношей, независимо от группы исследуемых, не интересуются политикой; некоторый интерес к ней проявляют лишь представители контрольной группы и совсем мало — художественно-одаренные дети, объясняющие собственную незаинтересованность прежде всего осознанием своего иного предназначения — творчества. Типичными для них являются ответы: «Включившись в политическую деятельность... никогда не включусь в это... мне будет скучно... терпеть не могу политику и все, что с ней связано». Незначительная часть мальчиков контрольной группы все же «примеряют» на себя возможность в будущем заниматься политикой, говорят о некотором интересе и поиске собственных политических позиций. Наибольшие отличия зафиксированы относительно статуса «мораторий»: показатели представителей контрольной группы значительно выше показателей опрошенных из обеих экспериментальных групп ($\varphi^* = 2,51$ при $p \leq 0,005$ при сравнении с группой подростков-правонарушителей и $\varphi^* = 1,90$ при $p \leq 0,029$ при сравнении с художественно-одаренными мальчиками).

Как видно из табл. 2, над основами отношений любви в наименьшей степени задумываются подростки и юноши, совершившие правонарушение: большинство из них имеют статус диффузной или предрешенной идентичности, чем значительно отличаются от группы художественно-одаренных мальчиков (относительно диффузной идентичности $\varphi^* = 3,69$ при $p \leq 0,000$; относительно предрешенной идентичности $\varphi^* = 2,07$ при $p \leq 0,019$) и от представителей контрольной группы (относительно предрешенной идентичности $\varphi^* = 1,74$ при $p \leq 0,041$). Художественно-одаренные дети отличаются более высокими статусами идентичности в этой сфере, что основывается на определенном опыте отношений и стремлении осмыслить их сущность, природу, принять

соответствующие решения для себя относительно того, каким образом строить эти отношения. Так, более высокие по сравнению с представителями контрольной группы статусы идентичности художественно-одаренных мальчиков в сфере любви отмечаются на уровне тенденции, а при сравнении их с группой подростков-правонарушителей значимо отличаются (относительно статуса «мораторий» $\varphi^* = 2,86$ при $p \leq 0,001$, относительно статуса «достигнутая идентичность» $\varphi^* = 2,99$ при $p \leq 0,000$). Между группами девочек значимые отличия зафиксированы относительно предрешенной ($\varphi^* = 1,68$ при $p \leq 0,046$) и достигнутой идентичности ($\varphi^* = 2,37$ при $p \leq 0,008$). Как среди художественно-одаренных детей, так и среди представителей контрольной группы более высокие уровни идентичности в этой сфере характеризуют девочек по сравнению с мальчиками.

В сфере дружбы более однородную картину демонстрируют представители группы художественно-одаренных детей и контрольной группы, тогда как мальчики-правонарушители характеризуются более низкими уровнями идентичности, что означает не отсутствие у них друзей, а меньшую осмысленность этих отношений, понимание и принятие их ценностных основ. Так, среди художественно-одаренных мальчиков не выявлены обладатели статусов диффузной и предрешенной идентичности в сфере дружбы, чем они значимо отличаются от контрольной группы (относительно диффузной идентичности $\varphi^* = 2,76$ при $p \leq 0,002$) и особенно группы правонарушителей (относительно диффузной идентичности $\varphi^* = 4,34$ при $p \leq 0,000$, предрешенной идентичности $\varphi^* = 1,78$ при $p \leq 0,038$). Соответственно, выраженность более высоких статусов идентичности в этой группе значимо выше по сравнению с другими группами. Особенно это касается достигнутой идентичности, показатели которой выше по сравнению с контрольной группой ($\varphi^* = 2,85$ при $p \leq 0,001$) и группой правонарушителей ($\varphi^* = 5,4$ при $p \leq 0,000$).

В сфере семьи мальчики и девочки из контрольной группы достаточно сильно отличаются: мальчики демонстрируют в целом большую зависимость от семьи, что проявляется в преобладании у них предрешенной идентичности. Предрешенная идентичность в сфере семьи проявляется, в частности, в том, что индивид некритично заим-

ствует модель родительской семьи или же, наоборот, полностью отрицает ее, не осознавая четко, что ему нравится, а что нет в родительской семье, что он мог бы «взять» для построения собственной семьи в будущем. У художественно-одаренных детей эти отличия не такие существенные за счет того, что мальчики имеют более высокие уровни идентичности в этой сфере. При сравнении разных групп исследуемых выявлено, что мальчики-правонарушители демонстрируют более низкие статусы идентичности – диффузию как неактуальность этой сферы для них (отличия значимы по сравнению с контрольной группой на уровне тенденции, по сравнению с художественно-одаренными мальчиками $\varphi^* = 1,68$ при $p \leq 0,046$) либо предрешенную идентичность, как правило, в форме отрицания родительской модели (отличия не достигают уровня значимости). Статус достигнутой идентичности отмечается у 14,2 % художественно-одаренных мальчиков, что свидетельствует о значимости отличий групп по этому показателю ($\varphi^* = 2,4$ при $p \leq 0,007$ при сравнении с группой подростков-правонарушителей и $\varphi^* = 2,34$ при $p \leq 0,01$ при сравнении с контрольной группой). Группы девочек значимо отличаются лишь по показателю диффузного статуса идентичности, который преобладает в контрольной группе ($\varphi^* = 1,68$ при $p \leq 0,046$).

В сфере гендерной идентичности, как видно из табл. 2, девочки обеих групп и художественно-одаренные ребята отличаются более высокими статусами: так, наряду с диффузией и предрешенной идентичностью, которая проявляется в принятии своего пола и связанных с ним ролей, стереотипов без их критического осмысления, у этих опрошенных отмечаются статусы моратория и достигнутой идентичности. Например, среди ответов этих опрошенных встречаются такие: «Родиться представителем другого пола... *было бы интересно ...неважно, все мы равны*». Тогда как подростков и юношей, совершивших правонарушение, характеризует преимущественно диффузия идентичности или предрешенная идентичность в этой сфере, что выражается, в частности, подчеркнутой маскулинностью, непринятием каких-либо других точек зрения, утверждениями о бессмысленности самого вопроса, агрессивной настроенностью относительно лиц нетрадиционной ориентации. Это подтверждается выявленными значимыми отличиями показателей более

высоких статусов идентичности художественно-одаренных мальчиков по сравнению с контрольной группой (относительно статуса «мораторий» $\varphi^* = 1,67$ при $p \leq 0,047$, относительно достигнутой идентичности — на уровне тенденции) и особенно с группой подростков-правонарушителей (относительно статуса «мораторий» и «достигнутая идентичность» $\varphi^* = 2,39$ при $p \leq 0,007$). Группы девочек в этой сфере идентичности значимо отличаются выраженностью предрешенной идентичности ($\varphi^* = 1,9$ при $p \leq 0,029$).

Таким образом, идентичность представителей разных групп, существенно отличается по уровню своего развития: наиболее развитая идентичность в разных сферах жизнедеятельности характеризует художественно-одаренных детей, наименее развитая, незрелая — подростков и юношей, стоящих на учете службы по делам детей из-за совершенного правонарушения. Опрошенные, которые составили контрольную группу, имеют, в основном, средние между этими двумя экспериментальными группами показатели.

Подводя **итоги** исследования, следует подчеркнуть, что выявлены значительные отличия как относительно содержания, так и относительно уровней (статусов) развития идентичности подростков и юношей разных групп. Более высокий уровень развития идентичности характеризует художественно-одаренных детей, которые опережают детей из других групп по ряду признаков: дифференцированность и полнота Я, позитивная модальность и согласованность Я, существование четкой профессиональной перспективы будущего, показателями более высоких статусов идентичности практически во всех сферах жизнедеятельности. Идентичность «проблемных» подростков и юношей отличается более низким уровнем дифференцированности и полноты, согласованности Я, выраженной дискретностью Я во временном континууме, что выражается в отсутствии жизненной и профессиональной перспективы, значительной представленности таких статусов идентичности, как диффузия и предрешенность.

Выявленные отличия содержания и уровней развития идентичности разных категорий подростков и юношей закономерно ставят вопрос о необходимости изучения психологических условий ее развития, в частности, тех, которые складываются в семейном окружении.

Список литературы

1. Антонова Р.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
2. Боришевський М.Й. Дорога до себе: від основ суб'єктності до вершин духовності : монографія. Київ: Академвидав, 2010. 416 с. (Сер. Монограф).
3. Гнатенко П.И., Павленко В.Н. Идентичность: Философский и психологический анализ. Киев, 1999. 466 с.
4. Зливков В.Л. Самоідентифікація в педагогічній комунікації. Київ: Україн. центр політ. менеджменту, 2005. 140 с.
5. Коростелина К.В. Система социальных идентичностей: опыт анализа этнической ситуации в Крыму. Симферополь: Доля, 2002. 255 с.
6. Кун М., Макпартленд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 180–187.
7. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. 2-е изд. М.: Смысл, 1997. 64 с.
8. Орестова В.Р., Карбанова О.А. Методы исследования идентичности в концепции статусов эго-идентичности Дж. Марсиа // Психология и школа. 2005. № 1. С. 39–90.
9. Солдатова Е.Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 74–84.
10. Попова М.В. Становление персональной идентичности в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2005. 26 с.
11. Черников А.В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. 3-е изд., испр. и доп. М.: Независимая фирма «Класс», 2005. 208 с.
12. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Моск. психолого-социальный ин-т, 2007. 128 с.
13. Эриксон Э. Идентичность. Юность и кризис. М., 1996. 344 с.
14. Camilleri C., Malevska-Peyre H. Socialization and Identity strategies // Handbook of Cross Cultural psychology / ed.: Berry J.W., Poortinga Y.H., Pandey J.J. Allyn and Bacon, 1997. V. 2. P. 43–68.
15. Hobermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1976. 346 s.
16. Jenkins R. Social identity. London: Routledge,

1996. 206 p.
17. *Marsia J.E.* Identity in Adolescence // *Handbook of Adolescent Psychology* / ed. Adelson J. N.Y.: John Wiley, 1980. P. 213–231.
18. *Moscovici S.* Notes towards a description of Social Representation. *European Journal of Social Psychology*, 1988. 18. P. 211–250.
19. *Tajfel H.* Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. 328 p.
-

PECULIARITIES OF IDENTITY OF «PROBLEM-FREE» AND «PROBLEM»
TEENAGERS AND HIGH-SCHOOL STUDENTS

Tatyana N. Yablonska

Institute of Psychology of NAPS of Ukraine; 2, Pankovskaya str., Kiev, 01033, Ukraine

The phenomenon of person's identity, its structure as the unity of cognitive, emotional, conative and value components are examined in this article. Empirical research was conducted with the help of the methods «Who I am?» (Kuhn-McPartland, 1954) and the questionnaire, created on the basis of the method of parametric interview of J. Marcia. The author analyses the matter and levels of identity's development of «problem-free» and «problem» teenagers and high-school students, the differences of peculiarities of their identities. The author states that the higher level of identity is reached by «problem-free» children, which is reflected in more differentiated and full self-image, its positive modality and harmony, distinct professional perspective of the future, higher statuses of identity almost in all spheres of vital activity.

Key words: identity; self-identification; social identity; personal identity.